

С. М. Абрамзон

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ

В последние годы снова оживился интерес к различным сторонам социальной структуры и общественного строя кочевых обществ. Одни авторы развивают и дополняют уже утвердившиеся в советской исторической науке положения, другие предлагают новые решения¹.

Цель настоящей статьи — проанализировать некоторые черты социального строя кочевых народов и в особенности судьбы патриархально-родового уклада в условиях сложения и развития классовых отношений.

Исходя из основных положений марксистско-ленинского учения об обществе и из тщательного анализа исторических и этнографических источников, отдельные советские историки уделили особое внимание последнему этапу истории первобытного общества, который Ф. Энгельс назвал периодом военной демократии.

С. П. Толстов одним из первых показал важное историческое значение эпохи военной демократии². Его точка зрения была поддержана рядом советских историков и этнографов, занимавшихся древними кочевыми обществами и первобытным обществом в целом³.

Дальнейшая разработка этой проблемы привела к выделению периода военной демократии как особого этапа первобытной истории. В предложенной С. П. Толстовым новой, уточненной в свете работ Ф. Энгельса и В. И. Ленина периодизации первобытной истории⁴, было подчеркнуто своеобразие этого периода по сравнению с низшим и средним периодами варварства⁵.

Из этой периодизации «выпал» столь привычно конструируемый в качестве обязательного и самостоятельного этапа в развитии первобыт-

¹ См., например, Л. П. Лашук, О характере классовообразования в обществах ранних кочевников, «Вопросы истории», 1967, № 7; его же, Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников, «Сов. этнография», 1967, № 4; Г. Е. Марков, Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества), Автореферат докт. дис., М., 1967; С. М. Абрамзон, Киргизы в их этногенетических и историко-культурных связях с народами сопредельных стран, Автореферат докт. дис., Л., 1968, стр. 17—24; Л. П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев, М., 1969, гл. «Аальная община», стр. 105—146; С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, Автореферат докт. дис., М., 1969, стр. 34—36.

² С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8.

³ См., например: М. И. Артамонов, Общественный строй скифов, «Вестник Ленинградского ун-та», 1947, № 9; А. Н. Бернштам, Из истории гуннов I в. до н. э., «Сов. востоковедение», 1940, № 1; А. И. Першиц, О «военной демократии» (К вопросу о периодизации первобытного общества), «Сов. этнография», 1953, № 2; М. О. Косвен, К вопросу о военной демократии, сб. «Проблемы истории первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. LIV, М.—Л., 1960.

⁴ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации первобытного общества, «Сов. этнография», 1946, № 1.

⁵ Там же, стр. 26.

ного общества отцовский род. Если вдуматься в соответствующие строки классического труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и сопоставить их с ходом исторического развития, мы увидим, что у автора новой периодизации были для этого известные основания. Тем не менее выделение военной демократии как одного из этапов истории первобытного общества вызывало известные возражения и этот вопрос фактически продолжает оставаться открытым.

В 1968 г. А. М. Хазанов высказал сомнение в правильности определения последнего этапа первобытного общества как «военной демократии»⁶. Его статья содержит ряд интересных соображений, но не отличается последовательностью, и в ней немало противоречий. С одной стороны, автор не выдвигает принципиальных возражений против вводимых в науку стадийальных понятий «дофеодальный период», «предклассовое общество». Он энергично поддерживает такое понятие, как «варварское государство», допускает возможность того, что и на Востоке некогда имела место «военная демократия» и т. п. Доводы Б. Д. Грекова, и А. И. Неусыхина в пользу существования переходного «дофеодального периода» кажутся А. М. Хазанову убедительными⁷. Но в той же своей статье он затем пишет: «понятие „дофеодальный период“ нам представляется неудачным, ибо имеет негативный оттенок»⁸.

С другой стороны, А. М. Хазанов стремится ограничить место «военной демократии» в истории общества, доказать, что «как форма складывающейся политической организации общества „военная демократия“ не была универсальной»⁹. В этой связи следует признать неправомерным тот акцент на «политической структуре» и «политической организации», который делают А. М. Хазанов и некоторые другие при рассмотрении периода военной демократии. Военная демократия должна рассматриваться и изучаться и как социальная организация. По мнению А. М. Хазанова, скифское общество VI—IV вв. до н. э. или гуннское времен Модэ-шаньюя и его ближайших преемников трудно отнести к военной демократии ввиду наличия там значительной социальной дифференциации и довольно сильной центральной власти¹⁰. Но, во-первых, военная демократия отнюдь не исключает социальной дифференциации, для противопоставления здесь нет оснований; во-вторых, «довольно сильная центральная власть» в ту эпоху часто не имела устойчивого характера, она и была временами сильной только потому, что являлась властью военных вождей и опиралась на военную организацию (что, как известно, считается существенным признаком военной демократии). Если общество, как признает автор, еще не было классовым, то едва ли уместно говорить о существовании в нем «государственных институтов». Поэтому аргументы, которые А. М. Хазанов выдвигает против применения понятия «военной демократии» к названным обществам, нельзя признать убедительными, хотя в настоящее время и нет необходимости настаивать на абсолютной универсальности военной демократии.

Последний период в истории первобытного общества А. М. Хазанов предлагает назвать «эпохой классовобразования». Расплывчатость, нечеткость и неопределенность этого термина, трактовку которого и сам автор допускает в зависимости от «угла зрения», слишком очевидны, чтобы считать его заслуживающим всеобщего признания. В рассуждениях же А. М. Хазанова о социальном строе кочевых обществ не содержится ничего нового, если не считать вызывающего лишь недоумение утверж-

⁶ А. М. Хазанов, «Военная демократия» и эпоха классовобразования, «Вопросы истории», 1968, № 12.

⁷ Там же, стр. 94.

⁸ Там же, стр. 96.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 94.

дения о том, что понятие «варварское государство» помогает (?) и при изучении кочевых обществ, в частности ранних кочевников¹¹.

В то же время мысль автора о том, что «через „военную демократию“ прошли именно те общества, у которых война стала регулярной функцией народной жизни»¹², представляется мне вполне справедливой, если иметь в виду прежде всего кочевые общества древности и средневековья.

Приняв это ограничение, можно прийти к выводу, что в кочевых обществах, особенно на ранних стадиях их развития, период военной демократии был одновременно периодом максимального расцвета отцовского или патриархального рода, приобретшего свои существенные черты уже в предшествующую эпоху. Так же, как и сам период военной демократии, развитый патриархально-родовой строй был качественно (несмотря на сохранение многих черт архаического рода) совершенно новым явлением.

Отцовский род (так же, как и племя новой «формации») уже потому представляет собою «скачок» в новое качество, что объединяемый им коллектив людей владел «методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности» (разрядка мая. — С. А.)¹³. Этот род стремился к интеграции с другими родственными или дружественными коллективами. Но нередко он был вынужден вступать в борьбу с чужими родами и племенами. Смысл этой борьбы (а в других случаях — мира), состоял у скотоводческих племен прежде всего в охране своих все увеличивавшихся стад, в защите от покушений на них извне. Эти стада составляли богатство племени. С другой стороны, целью борьбы был захват у других племен скота, охраняющих его людей (обращаемых в рабов) и новых материальных ценностей, воплощенных в металле, украшениях и т. п.

Но патриархальный (отцовский) род (как и более широкое объединение — племя и, наконец, союз племен) являлся уже не только естественно выросшим объединением, связанным кровным родством. На определенной ступени развития он уже представлял собой союз собственников, в котором преобладающую роль стали играть имущественные интересы его членов. Эти интересы, разрушая первобытный коллектив, становятся цементующим началом нового союза. Однако общество это еще нельзя назвать классовым. В нем лишь шел процесс вызревания тех элементов, из которых в будущем возникли классы.

Поскольку важнейшими социальными функциями рода и племени становилась защита своих сочленов и их имущества, или, наоборот, нападение на другие племена, потребовалась военная организация, способная обеспечить выполнение этих функций. Само племя стало главным звеном этой организации. Патриархальный род и племя, как объединения таких родов, превращаются в своего рода «самодействующую вооруженную организацию» (Энгельс). Именно в ней новый род и воплотил всю свою способность к существованию в изменившихся экономических условиях. Таким образом, племенная организация в эпоху военной демократии становится смыслом и сутью самого общества. Доводы тех исследователей, которые рассматривают военную демократию всего лишь как «политическую надстройку», лишены достаточной убедительности прежде всего потому, что они оставляют без должного внимания социальную структуру самого общества.

Ф. Энгельс указывал, что «на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей, совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлические утварь, предметы роскоши, и, наконец, людской скот — ра-

¹¹ А. М. Хазанов, Указ. раб., стр. 95.

¹² Там же, стр. 97.

¹³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 33.

бов»¹⁴. Речь идет в данном случае, конечно, не о парных семьях, а о патриархальных семьях, само возникновение и укрепление которых было связано с появлением «стадного» скотоводства.

Мы считаем, что патриархальная семья не обязательно является продуктом «распада» или «разложения» отцовского рода, как это утверждают некоторые этнографы¹⁵. Возникновение патриархальных семей (или патриархальных семейных общин) могло идти параллельно с процессом развития такой же новой в качественном отношении общности — отцовского рода. Отцовский род у кочевников в своей развитой форме, пока он окончательно не разложился, и был, по нашему мнению, суммой все более обособлявшихся патриархальных семейных общин. Постепенно последние становились основными экономическими единицами общества. Возникшее в результате этого непримиримое противоречие привело в конце концов к распаду отцовского рода как общественной ячейки: «Отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду»¹⁶. Это замечание Ф. Энгельса относится, надо думать, не к малой, а именно к большой патриархальной семье, которая по отношению к роду была уже отдельной семьей.

Главными функциями отцовского рода у кочевников были коллективное использование пастбищ, охрана стад и добывание новых богатств насильственным путем. Однако следует отметить, что важное значение в этом обществе имел и обмен с другими, не скотоводческими племенами. С возникновением патриархального рода началась полоса постепенного усиления имущественного неравенства, стимулируемого все учащающимися случаями грабительских набегов на соседние племена. Таким образом, общество вступает уже в период зарождения первых предпосылок классовообразования. Первая ступень, первая форма общественного неравенства еще не приобрела на своем раннем этапе антагонистического характера. Общество вступало в своеобразный переходный период, характеризовавшийся господством военной демократии. Вместе с тем это был период сложения раннерабовладельческих или раннефеодальных отношений.

Здесь еще не было места особому этапу общественного развития, как-им нередко признают отцовский род. Сложение и развитие патриархального рода было лишь одной стороной становления и оформления уклада военной демократии, зародившегося в недрах первобытного общества и лежавшего на рубеже между материнским родом и классовым обществом.

В период развитой военной демократии патриархальный род выступал, видимо, как объединение ряда большесемейных, а позднее семейно-родственных общин (к ним можно условно применить термин «патронимия»). Каждая из последних представляла группу наиболее близко связанных между собой патриархальных семей. В этот период отношения родства сохраняли еще большое значение во всех проявлениях племенной и родовой жизни. Однако они уже начали терять ту решающую роль, какую они играли, как пишет Энгельс, «в общественном строе у всех диких и варварских народов»¹⁷.

Эту определяющую роль стали приобретать отношения имущественные, тесно связанные с возникшей военной организацией, имевшей еще в целом (в пределах племени) демократический характер. Однако усиливавшиеся имущественные связи еще в течение очень длительного времени не могли вытеснить уз родства, глубоко проникавших во все поры внутриплеменной жизни; они продолжали сохраняться и оказывали

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 58.

¹⁵ См., например, Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у таджиков Вахио-боло, Л., 1936, стр. 76.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 162.

¹⁷ Там же, стр. 35.

свое влияние и на более поздних этапах (в ослабленной форме — в течение целых тысячелетий в классовых обществах кочевников). Это происходило не только потому, что родственные узы сами превращались в «оболочку» для возникавших видов эксплуатации, но и потому, что отношения родства, со всем вытекающим из них комплексом внутриплеменных связей, заостривались и не успевали (как, впрочем, и системы родства, а также политические, юридические, религиозные, философские системы вообще) регистрировать прогресс, проделанный обществом¹⁸.

Такое «закостенение», в свою очередь, может быть объяснено в значительной степени тем, что в кочевых обществах крайне медленно вызревал принцип территориальных связей; когда же эти связи становились реальностью, они нередко сами облекались в привычные формы отношений по родству¹⁹.

Несмотря на возникшие новые экономические отношения, племенное сознание, выросшее на почве господства уз кровного родства, продолжало прочно сохраняться и передавалось из поколения в поколение.

Патриархальную семейную общину мы застаем и в условиях классового общества, где род, как «основа общественного порядка», либо исчез, либо подвергся глубокой деформации. В связи с этим мы можем утверждать, что патриархальный род не был самостоятельным этапом общественного развития и потому в целом быстрее подвергался разрушению под влиянием экономических факторов, чем патриархальная семейная община, дериваты которой в различных формах дожили до наших дней. Последняя, как «микроячейка» патриархально-родовой организации, оказалась жизнеспособной и в новых условиях. Это было следствием того, что ее экономическим базисом вначале служила отдельная или обособленная семейная собственность, развившаяся позднее в частную собственность главы семейной общины, или глав малых семей, составлявших семейную общину. Таким образом, патриархальная семейная община постепенно приобретала те самые признаки, которые были свойственны и складывавшемуся классовому обществу в целом. Она стала основной экономической единицей общества и в течение длительного времени не вступала в противоречие с принципами, господствовавшими в классовом обществе. Возникшая частная собственность, стремление к закреплению имущества за отдельной моногамной семьей, все более обособлявшейся внутри патриархальной семейной общины, тем не менее привели к распаду и этой общины, к окончательному укреплению самостоятельных малых семей.

Все сказанное дает основание считать, что отцовский (патриархальный) род в целом являлся такой же переходной формой развития общества, как и патриархальная семья.

Первобытный, т. е. материнский род — коллективная организация, в основе которой лежит определенная система производственных отношений, имеющая четко выраженную общественную структуру, для которой характерно единство формы и содержания. Патриархальный же, т. е. отцовский род уже не создает присущей лишь ему системы производственных отношений. Однако развитие патриархального рода отражает процесс зарождения производственных отношений нового типа, возникавших на новом уровне развития производительных сил. Они еще переплетались с обломками прежних производственных отношений, но уже реально существовали и определяли появление иного способа производства.

Этот последний этап развития первобытного общества, на котором патриархально-родовые отношения еще имели значение живого фактора

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 36.

¹⁹ Это явление, названное «территориальным родством», прослеживалось, в частности, у бурят. См.: Б. Э. Петри, Территориальное родство у северных бурят, Иркутск, 1924.

общественной жизни, но не образовали каких-либо особых, специфических производственных отношений, и составляла эпоха военной демократии.

В обществе, где социальной ячейкой являлись уже патриархальный род и патриархальное племя, возникло и развивалось одно из непримиримых противоречий — противоречие между общественной формой добывания богатств (скота, рабов, драгоценностей) и индивидуальной формой их присвоения и владения ими. Для эпохи военной демократии это противоречие, как нам представляется, было весьма существенным и все возрастающим.

Эта эпоха «патриархальности» характеризуется постепенно углубляющейся противоположностью социальных сил, переходящей в дальнейшем в новое и уже решающее противоречие общественного развития — классовую борьбу.

В целом эпоха военной демократии — это эпоха напряженной борьбы обреченного на гибель первобытнообщинного строя с новым типом общественных отношений, основанных, в противоположность предыдущим, на имущественном и социальном неравенстве.

Эта мысль очень четко выражена С. П. Толстовым в его этюде о военной демократии: «Сама эпоха военной демократии лежит историческим рубежом, периодом революционной перестройки общества между первобытным коммунизмом и первой антагонистической формацией общества. И, если с точки зрения истории доклассового общества мы вправе говорить о военной демократии, как о последней стадии родового строя, то с точки зрения общества классового — перед нами первая ступень рабовладельческой формации»²⁰.

Патриархально-родовая организация, являясь промежуточным звеном в общественном развитии кочевых племен, принимала у этих племен форму пастбищно-кочевых общин разной величины²¹, в которых еще сохраняли свое значение отношения родства. Но постепенно, хотя и очень медленно, в кочевых общинах формировались и территориальные связи. Они выступали в качестве существенного, но далеко не всегда решающего фактора. Более важное значение в развитии этих общин приобретали частнособственнические отношения.

Такие общины объединялись в более крупные союзы, совпадавшие по форме с родами и племенами и постепенно перераставшие в более сложные объединения. Они основывались уже не столько на кровнородственных связях в их патрилинейном облике, сколько на общественно-политических интересах, естественно вытекавших из экономических условий.

Пастбищно-кочевые общины, являвшиеся мелкими родовыми подразделениями, могли состоять из групп больших патриархальных или малых семей. Стадиально они соответствовали сельским общинам у оседлых земледельческих племен. Описанная недавно Л. П. Потаповым ааловая община у тувинцев²² сходна с исследованными нами у кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии и Казахстана семейно-родственными группами²³, которые, как и тувинский аал, можно рассматривать как небольшие общины. Правда, в хозяйственном смысле эти группы скорее были небольшими кочевыми объединениями (аилами), входившими в состав пастбищно-кочевой общины. Однако, по сво-

²⁰ С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», стр. 207.

²¹ Опыт анализа такой общины позднего типа (в котором, однако, встречается и много спорных положений) см. в кн.: В. Ф. Шахматов, Казахская пастбищно-кочевая община, Алма-Ата, 1964.

²² Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 105—146.

²³ С. М. Абрамзон, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVIII, М., 1958.

ей внутренней структуре они, конечно, однотипны с тувинской аальной общиной.

Представляет интерес относящаяся к кануну Октябрьской революции характеристика киргизского кочевого аила (аула) и кочевой общины, которая содержится в материалах переписи 1917 г. Там сообщается, что единственный киргизский аил представлял собой чисто хозяйственную единицу. Входившие в его состав кибитковладельцы были связаны между собой происхождением от одного родоначальника, совместно кочевали на пастбищах и имели обособленные от других аилов пашни и покосы. В среднем в один хозяйственный аил входило от 10—12 до 50—60 хозяйств. Группа соседних аилов, связанных друг с другом родством и совместно пользующихся весенними, летними и осенними пастбищами, составляла киргизскую общину. Главные признаки общины определены следующим образом: 1) происхождение от одного родоначальника; 2) общий кочевой путь на джайлау (летние пастбища) и обратно; 3) общее пользование и фактическое владение важнейшими угодьями и в особенности пастбищами; 4) смежность или близкое соседство зимовок (зимних стойбищ). В высокогорных районах Южной Ферганы и в Алайской долине общины большей частью совпадали с хозяйственными аилами. В остальных местностях общины обыкновенно состояли из 2—4 аилов, но встречались и такие, которые включали в себя от 5 до 7 аилов²⁴.

Следует подчеркнуть, что пастбищно-кочевая община, нередко полностью совпадавшая с такой структурной единицей, как семейно-родственная группа, или включавшая в себя несколько этих групп, была не только формой семейной организации, но и простейшим производственным объединением, ближе всего подходившим под понятие «хозяйственная единица общества». Такая община была формой организации кочевого скотоводческого хозяйства, самостоятельно вести которое отдельной, индивидуальной семье среднего скотовода было тяжело.

Патриархальный же «род» кочевников постепенно приобрел многие черты политической организации.

* * *

В условиях разложения первобытнообщинного строя (в период военной демократии), а тем более в классовом обществе, племя представляло собою новую социальную организацию, имевшую некоторые черты чисто внешнего сходства с племенем доклассового общества. Наиболее важной особенностью этого племени позднего типа является существование внутри него сложившихся социальных противоречий, связанных с появлением и укреплением частной собственности. Особенно важно подчеркнуть, что из фактора, разложившего и «взорвавшего» первобытное племя, частная собственность (вначале на скот, а в дальнейшем и на пастбища, пахотные земли и т. д.) постепенно превратилась в фактор развития и укрепления племени нового типа. Эта диалектически противоречивая роль частной собственности объясняет нам живучесть племенных отношений и их способность к непрерывному «воспроизводству» в кочевых обществах.

Рассматривая в этом свете родо-племенную организацию кочевников в тех ее формах, в которых она дошла до нас²⁵, мы должны отметить,

²⁴ «Материалы всероссийских переписей», вып. IV, «Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 года», Ташкент, 1924, стр. 14, 19, 20.

²⁵ Судьба родо-племенной организации в условиях классового общества исследована в книге: А. И. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (Историко-этнографические очерки), ТИЭ, т. LXIX, М., 1961, стр. 67—97, 153—168; В. Тардов, Основные черты производственных отношений у племен Персии, сб. «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., 1933, № 3 (9), стр. 138—141, 155—161; см. также: С. М. Абрамзон, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, сб. «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, М., 1951.

что тщательное изучение фактов не позволяет говорить о ней как о самостоятельном социальном организме. Родовой или племенной организации в точном значении этого слова фактически уже не было, вместо нее была организация военная (особенно рельефно выступавшая в период военной демократии и на некоторых этапах писаной истории), либо организация административно-территориальная и социально-политическая (в государствах раннефеодального и феодального типа). Это, конечно, не исключает того, что в какой-то мере племенная верхушка выступала и в качестве организатора хозяйственной и социальной жизни внутри племени. Характерно, что все эти формы организации общества дополнялись определенной идеологической надстройкой в виде системы генеалогических преданий и схем, выраставших в своеобразную племенную «историческую науку».

Однако ряд черт, обычаев, обрядов, воззрений, характерных для первобытного рода, продолжал в видоизмененном, деформированном и модернизированном виде прочно сохраняться в мельчайших клеточках этих «племенных» обществ — семейно-родственных группах (близких по характеру к «патронимиям», описанным М. О. Косвенем на материалах Кавказа, древних германцев и др.²⁶).

В связи с этим следует сказать, что процесс развития отцовского рода (от наиболее ранних этапов и через все классовое общество) можно представить себе как непрерывное количественное уменьшение реальной «родовой» структуры, сокращение круга лиц, объединяемых фактическими кровнородственными связями и определенными видами экономических отношений. Это был одновременно процесс возникновения, развития и постепенного распада патриархальной семьи, возникновения и обособления моногамной семьи.

Как же конкретно происходило развитие племенной организации? Уже в период военной демократии параллельно действовали две противоположные тенденции: центробежная и центростремительная. Преобладание той или иной из этих тенденций определялось сочетанием конкретных исторических условий. С одной стороны, действовала тенденция сохранения племенной обособленности, обеспечивавшей за каждым племенем целостность его территории, неприкосновенность принадлежащих ему богатств, независимость его членов, право на самостоятельное управление общественных и религиозных обычаев, в целом — его «суверенитет». Вместе с тем возникала и усиливалась противоположная тенденция — тенденция объединения племен в крупные союзы и конфедерации. Она была вызвана усложнением общественных отношений, связанным с ростом частной собственности и имущественного неравенства, все более усиливающимся стремлением к захвату чужих богатств и чужих территорий. Эта тенденция особенно усиливалась при соприкосновении кочевых племен с такими крупными очагами цивилизации, как Китай, Хорезм, Иран, Индия и др., когда давление рабовладельческих и феодальных государств толкало эти племена на путь объединения своих усилий, прежде всего военных.

Конечно, племя не было качественно стабильной категорией на всем протяжении развития классовых отношений в кочевых обществах, оно претерпевало определенные изменения. Насколько об этом можно судить по чрезвычайно скудным данным (мы имеем в виду кочевые общества на Востоке), развитие племени прошло через несколько этапов, определявшихся степенью экономического развития общества, формами сосуществования родо-племенных (патриархальных) отношений с классовыми.

²⁶ М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа, «Сов. этнография», 1946, № 2; его же, Патронимия у древних германцев, «Изв. АН СССР. Серия истории и филологии», 1949, т. VI, вып. 4; его же, Семейная община и патронимия, М., 1963.

Последовательную смену различных типов родо-племенных отношений в условиях классового общества (прежде всего для кочевых племен) мы можем представить себе схематически следующим образом:

1. Эпоха разложения первобытнообщинного строя. В эту эпоху племенная организация стала формой и содержанием ранних ступеней военной демократии. Тогда же завершился процесс формирования племени нового типа. Оно сменило классическое племя первобытности в качественно измененном виде, мы сказали бы в виде «патриархального» племени. Уже в этот период само племя приобрело черты военной организации. Внутри племени начала все более усиливаться роль знати из числа военных вождей и богатых соплеменников.

2. Эпоха вызревания рабовладельческих и раннефеодальных отношений. Эта эпоха возникновения постепенно углубляющихся классовых противоречий, появления и обострения классовых конфликтов была непосредственным продолжением предыдущей. Переход к ней сопровождался резкими качественными скачками и сдвигами в развитии общества. Иногда военная демократия перерастала в общества с рабовладельческими отношениями. В эту же эпоху поздних военных демократий складываются и раннефеодальные государства.

Племя в эту пору стало формой классовой организации общества и представляло собой уже вполне сложившуюся военно-административную организацию. Оно подвергалось новым преобразованиям, поскольку углубление классовых противоречий привело к возникновению различных форм зависимости от племенной верхушки как отдельных соплеменников и групп иноплеменных рабов, так и целых чужих племен. В эту эпоху получили развитие союзы и конфедерации племен.

3. Эпоха укрепления и развития феодальных отношений. Она нашла свое отражение в глубоких и разносторонних классовых конфликтах, непримиримость которых привела к возникновению крупных кочевых и полукочевых феодальных «империй» типа монгольской, тимуридской и др. Эта эпоха была ознаменована оформлением и укреплением патриархально-феодальных отношений, особенно характерных для кочевых обществ.

В последнее время некоторые авторы берут под сомнение само понятие «патриархально-феодальные отношения», применяемое в нашей науке для длительного этапа общественного развития в условиях преимущественно раннефеодальных отношений. Так, Л. П. Лашук предложил отказаться от определения «патриархально-феодальный» и заменить его термином «прафеодальный» или просто «феодальный», в зависимости от степени развития феодальных отношений²⁷. Аргументация Л. П. Лашука представляется нам малоубедительной.

В самом деле, могут ли служить основанием для отказа от утвердившегося в советской исторической науке определения специфической формы феодальных отношений только расхождения отдельных авторов в толковании этого определения? Как бы ни различались взгляды авторов, участвовавших в дискуссии, проводившейся в 1954—1955 гг. на страницах журнала «Вопросы истории», никто из них не подвергал сомнению особый характер общественных отношений, обусловленных тесным переплетением остатков патриархально-родовых традиций и обычаев с феодальными институтами на их более ранней стадии. Предложение Л. П. Лашука начисто снимает специфику феодальных отношений не только у кочевников, но и у многих групп оседлого земледельческого населения. Так, Н. А. Кисляков убедительно доказал, что патриархально-феодальные отношения были характерны и для оседлого населения

²⁷ Л. П. Лашук, О характере классообразования в обществах ранних кочевников, стр. 106.

бывшего Бухарского ханства²⁸. Нивелируя понятие «феодалыные отношения» для всей эпохи существования этих отношений, Л. П. Лашук как бы отмечает весь тот обширный историко-этнографический материал, который был добыт советскими этнографами в результате кропотливого изучения общественной структуры у народов СССР. Как известно, термин «патриархально-феодалыные отношения» был впервые введен в науку в резолюции X съезда РКП(б), проходившего при участии В. И. Ленина. Именно применение этого очень точного и емкого понятия позволило советским историкам и этнографам раскрыть своеобразие общественных отношений у многих народов нашей страны.

Другой исследователь, Г. Е. Марков (см. названную выше его работу «Кочевники Азии») не просто отвергает понятие «патриархально-феодалыные отношения» применительно к кочевым обществам, но и предпринимает попытку обосновать существование нового способа производства, названного им «кочевническим». При этом Г. Е. Марков ссылается на отдельные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, которые якобы в совокупности дают представление об этом особом способе производства. Создается впечатление, что советским этнографам и историкам как будто бы остались неизвестными взгляды основоположников марксизма о «кочевническом способе производства». Но этому трудно поверить. Дело заключается в том, что Г. Е. Марков по-своему истолковал некоторые известные положения об особенностях хозяйства кочевников, содержащиеся в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Но такое толкование вызывает много недоуменных вопросов. Как соотносить «кочевнический способ производства» с первобытнообщинной формацией, с феодальным способом производства и феодальной формацией, с капиталистическим способом производства? Сопутствует ли «кочевнический способ производства» уже известным в марксистской социологии способам производства или заменяет какой-либо их них? При таком толковании любой способ специфичной хозяйственной деятельности можно назвать «способом производства». Но ведь «способ производства» — одна из категорий исторического материализма, и в нее вкладывается точное содержание. Субъективные толкования таких категорий не приводят к положительным результатам. Следует отметить, что Л. П. Лашук подверг вполне обоснованной критике предлагаемый Г. Е. Марковым новый способ производства²⁹.

В эпоху развития патриархально-феодалыных отношений племя выступало часто уже не только как военная организация, но и как форма развития классовых отношений. Его основу составляли производственные отношения, базирующиеся на эксплуатации непосредственных производителей, патриархальной по своей форме, полуфеодалыной и феодалыной по существу. В этот период племя становилось в ряде случаев вполне оформленной частью государственной организации, превращаясь в административно-политическую (территориальную) единицу.

Под влиянием роста территориальных связей, классовых антагонизмов и классовой борьбы племя иногда разрушалось вовсе или сохраняло только внешние черты, свою форму и в этом виде успешно служило интересам господствовавших классов.

Мы видим, таким образом, что племенной строй имел свою собственную историю, будучи органически связан с развитием кочевых обществ в целом. Различные этапы развития племенного строя хорошо прослеживаются в рамках даже одной народности. Так, несомненно, два (если не больше) этапа развития племени представляли собою племенные от-

²⁸ Н. А. Кисляков, Патриархально-феодалыные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., ТИЭ, т. LXXIV, Л., 1962.

²⁹ Л. П. Лашук, О характере классовообразования в обществах ранних кочевников, стр. 106—108.

ношения, характерные для восточной и западной групп афганских племен³⁰.

Мы видим также, что «патриархальное» племя (как и поздний отцовский род) есть специфическая форма общественной организации, в которой уже не может быть и речи о «чистых» первобытнообщинных отношениях и которая в своем развитии идет по пути все большего углубления социального неравенства.

Обнаруживая в каком-либо обществе комплекс явлений, которые мы можем характеризовать как элементы племенного строя, патриархально-родового уклада, мы не должны противопоставлять этот комплекс классовым отношениям в данном обществе или рассматривать его в искусственной изоляции от всей социально-экономической структуры данного общества.

По своей сущности некоторые из патриархально-родовых пережитков представляют собою лишь пережившие тысячелетия рудименты ранней стадии тех же патриархальных и классовых отношений.

В этой связи я хотел бы попутно коснуться той дискуссии, которая развернулась на страницах нашего журнала по вопросу о соотношении рода, общины и семьи. Мне представляется по меньшей мере странным, что, говоря о роде, родовом обществе вообще и даже ссылаясь при этом на авторитет классиков марксизма, некоторые исследователи не уточняют, о каком роде — материнском или отцовском, о какой стадии развития того или другого рода идет речь. В этом смысле наибольшую ясность, пожалуй, вносит статья С. Я. Козлова³¹. Вызывают также недоумение попытки изобразить отцовский род как социальную организацию, в которой основной формой семьи была, по-видимому, парная семья. Это противоречит не только логике развития форм семьи в зависимости от изменений общественной структуры, но и фактическому содержанию отношений в родовой патриархальной общине. Касаясь поздней формы рода — отцовского рода — мы вправе говорить о том, что он состоял из большесемейных общин или семейно-родственных групп, вовсе не пытаясь при этом пересматривать понимание сущности классического рода. Но из этого вовсе не следует вывод о необходимости выделения «третьего типа социальной организации», как это делает М. В. Крюков в своей статье «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации» («Сов. этнография», 1967, № 4). Нет достаточных оснований резко различать и противопоставлять род и «патронимическую организацию». В последней следует видеть завершающий этап развития рода, одну из форм его разложения.

В этом вопросе я не могу согласиться с А. И. Робакидзе, который поддерживает М. В. Крюкова, отрицающего возможность понимания патронимии в качестве подразделения рода или сужения последнего и утверждающего наличие принципиальной разницы между патронимией и родом³². Возможно, что кавказский этнографический материал дает основания А. И. Робакидзе поддерживать М. В. Крюкова. Однако весь конкретный материал, относящийся к поздним кочевникам, свидетельствует о том, что семейно-родственные группы (которые мы считаем более точным отражением сути «патронимии», с учетом корректив, внесенных Ю. И. Семеновым³³) были одновременно и живыми разветвлениями

³⁰ И. М. Рейснер, Афганистан, М., 1929; его же, Роль афганцев в Индии в XVIII веке, «Уч. зап. Тихоокеанского ин-та», 1949, т. II.

³¹ С. Я. Козлов, К характеристике некоторых социальных структур (Заметки в связи с дискуссией), «Сов. этнография», 1970, № 5.

³² А. И. Робакидзе, Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи), «Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 103.

³³ Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 80—83.

рода или его подразделениями, и продуктом разложения большесемейных общин. Отсюда и обманчивое представление о «сосуществовании» родовой и «патронимической» организации. Род становится со временем преимущественно генеалогической, экзогамной единицей, а реальной, в том числе и хозяйственной, — родовая община (под оболочкой которой складываются территориальные, соседские связи), большесемейная община и, наконец, семейно-родственная группа, которая тоже обладает многими чертами общины. Таким образом, семейно-родственная группа (или, условно, «патронимия») — это тоже форма и родовой, и общинной организации, она возникает и развивается в рамках рода, и основной «патронимической организации», которой неоправданно придано такое самостоятельное значение, является все-таки род, хотя бы и в его поздней форме. Выделять «патронимическую организацию» как особый «третий тип социальной организации», нет достаточных оснований. В пользу такого выделения М. В. Крюков не привел убедительных аргументов. Следует напомнить, что многие явления, о которых идет речь, имеют глубоко пережиточный характер, и обобщения, основанные на таком материале, требуют известной осторожности.

В условиях классового общества племя — это прежде всего социально-политическое образование, имеющее лишь некоторые внешние черты сходства с тем племенем, которое было основой общества при первобытнообщинном строе. Обычно это — объединение, «ядром» которого является известный круг людей, действительно происходящих от одного предка. Именно эта группа («род») является, как правило, господствующей в данном племени, и к ней чаще всего принадлежит вождь племени и вся остальная племенная верхушка. Многие остальные «роды» (иногда даже их большинство) не были связаны генетически с главным «родом», а включались в состав племени добровольно или насильственно, в разное время и по разным поводам. Факторами, вызвавшими к жизни то или иное племенное объединение, были главным образом факторы политические, связанные с необходимостью защиты от других племен (или захвата их территории и богатства), а также с интересами правящей племенной верхушки. В общем же племя в той форме, в которой мы его застаем в кочевых обществах Средней, Передней и Центральной Азии, есть прямой продукт развития того нового типа племени, которое сложилось как основной компонент строя военной демократии.

Для процесса образования и утверждения племени эпохи разложения первобытнообщинного строя и затем эпохи классового общества характерен ряд явлений, неизвестных классическому племени первобытного общества:

1) принцип политической организации племенной жизни (племя как военная организация; племя как административно-территориальная организация; и в том и в другом своем качестве племя выступало как один из важнейших устоев военной демократии и возникавших на ее основе раннеклассовых государств);

2) частная собственность и классовая борьба (эти факторы в своей зародышевой форме привели к разрушению первобытнообщинного строя; в своем дальнейшем развитии они выступали в диалектически новой функции — скрепляющего начала племенной организации, так как господствующий класс утверждал племя как источник и форму своего классового существования);

3) формирование более широких этнических общностей (происходило включение в состав племени разнородных этнических элементов, шел процесс бурных этнических скрещений; появились новые этнические образования, давшие начало древним и современным народам).

В связи со всем этим при анализе исторических или современных племен необходимо учитывать следующее: а) племя являлось категорией, находившейся в движении и развитии; б) определение его типа должно

увязываться с конкретной социально-экономической историей того или иного кочевого общества; в) сущность племени может быть понята лишь в том случае, если мы будем исходить из классового строения данного общества и условий классовой борьбы в нем.

SOME PROBLEMS OF SOCIAL STRUCTURE OF NOMADIC SOCIETIES

Problems pertaining to the period of military democracy in the history of nomadic societies are examined in the article. In the author's opinion military democracy was accompanied by a flourishing patrilineal (patriarchal) gens which had been formed in its main features in the preceding period. The mature patriarchal gens was an absolutely new phenomenon compared to the archaic gens. It was not merely a naturally evolved community knit together by patrilineal blood kinship but had been gradually transformed into a union of property owners; property interests had begun to play a predominant role. This was primarily due to the rise of patriarchal family communities which occurred simultaneously with the development of the late patriarchal gens. Among nomadic peoples the patriarchal gens in its mature form before its final disintegration was just such a union of extended family communities which gradually became more and more detached.

These in the course of their development broke up into family kinship groups similar to «patronymic» organizations. The patriarchal gens organization was an intermediate link in the social evolution of nomadic tribes; among them it took the shape of pastoral-nomadic communities. In the period of military democracy, and still more in class society, the tribe presented a new social organization characterized mainly by certain outward features of resemblance to the tribe of pre-class society. It was either a military or a territorial-administrative and social-political organization (in states of the early feudal and the feudal type); it had become a form of development of class relations.
